Ленин

Сталин

Друзья и соседи

Жизнь постепенно входила в новую колею. В неполные восемнадцать лет я, первокурсник, далеко не все замечал, многое заслоняли волновавшие меня тогда и абсолютно позабытые сейчас события. Но кое-что все же запомнилось.

Мы продолжали дружить с Маленковыми. Вечерами старшие в сопровождении детей гуляли по близлежащим улицам, заходили в Александровский сад, обычно обходили Кремль снаружи, но порой заходили и вовнутрь, часовые у Кутафьей башни козыряли и, не спрашивая документов, пропускали. В Кремле мы пересекали Ивановскую площадь, шли мимо Царь-колокола, Царь-пушки. Они доступны сейчас любому туристу, а тогда я глядел на них как на невиданную диковину. Их фотографии не публиковались, как все внутри Кремля, Царь-пушка и Царь-колокол считались строго секретными объектами.

Затем мы спускались в Тайницкий сад и, нагулявшись там между цветущими яблонями, как раз наступила весна, возвращались тем же путем мимо тех же часовых домой.

Валерия Алексеевна Голубцова, жена Маленкова, в 1947–1951 годах – директор Энергетического института, патронировала меня, подробно расспрашивала об учебе. Прошло уже два года, как она покинула МЭИ, но немного ревности к новой дирекции у нее еще оставалось. Она с удовольствием выслушивала мои дифирамбы в свой адрес. Ее в институте помнили и любили, так что я ни чуточки не кривил душой. Валерия Алексеевна, собственно, и создала наш Энергетический институт, отстроила на Красноказарменной улице три огромных учебно-лабораторных корпуса, а позади них кирпичные параллелепипеды общежитий. Только в Энергетическом институте всем иногородним предоставлялось общежитие, и не где-то у черта на куличиках, как в университете, а в пяти минутах пешего хода от учебных аудиторий. В одном из учебных корпусов разместилось очень секретное конструкторское бюро будущего академика в области радиотехники Владимира Александровича Котельникова. Нам, младшекурсникам, знать о его существовании не полагалось.

В 1951 году Валерия Алексеевна после тяжелой болезни оставила работу, из института ушла, но еще долго жила жизнью Института. Она, собственно, и уговорила меня пойти туда учиться, за год до окончания школы водила по лабораториям, рассказывала сама о каждой из них. Летом 1952 года я поступил на факультет электровакуумной техники и специального приборостроения по специальности «Системы автоматического регулирования». Рада дружила со старшей дочкой Маленковых Волей, я – с младшими сыновьями Андреем и Егором.

Где-то они сейчас? В выходные мы нередко заезжали на дачу к Маленковым, а если мы не гостили у них, то они у нас.

С Булганиными, хотя они и жили с нами на одной площадке, дверь в дверь, мы встречались реже. Мама, а особенно моя старшая сестра Юля, еще с до войны сдружились с женой Николая Александровича Еленой Михайловной, учительницей английского языка, в отличие от Валерии Алексеевны, женщиной без амбиций, но очень коммуникабельной и приятной в общении. Сейчас Булганин жил, не афишируя, с другой женщиной, и приударял за третьей и четвертой. Мама придерживалась строгих нравов, никого другого, кроме Елены Михайловны, не признавала. Какая тут дружба семьями! Лишь изредка вечерами Николай Александрович в домашних шлепанцах стучался в нашу дверь, они с отцом усаживались в столовой, о чем-то разговаривали, выпивали по рюмочке коньяку. Булганин очень уважал этот напиток. Его сын Лева, летчик, тоже любил коньяк. Порой, тихонько опорожнив бутылку грузинского КВ, он наполнял ее чаем и так оставлял в буфете, чем немало сердил отца. Николай Александрович нашел выход из положения, прилачился хранить свой коньяк у нас на кухне.

Вспоминается только одна общая семейная встреча. Дочь Булганина, Вера, моя старшая подруга, выходила замуж за сына адмирала Николая Герасимовича Кузнецова. По этому случаю в квартире напротив собралась шумная компания, произносились бесчисленные тосты, веселились, как могли. Сосед снизу, маршал Семен Михайлович Буденный, весь вечер без усталости играл на гармошке.

Весной 1953 года в нашем доме появился новый старый жилец – маршал Георгий Константинович Жуков. Они с отцом подружились еще до войны, когда Жуков командовал Киевским военным округом. Потом судьба не раз сводила их на дорогах войны. В марте 1953 года Жукова, по настоянию отца, вернули из Уральского военного округа в Москву и назначили заместителем Булганина в Министерстве обороны. Благодаря авторитету Жукова в войсках, а также учитывая природную пассивность Николая Александровича, Г.К. быстро стал там полновластным хозяином.

Жуков заезжал на дачу к отцу нечасто, они вместе обедали, о чем-то говорили и разъезжались. У Жукова тоже появилась новая жена, но официальной супругой числилась Александра Диевна, так что и тут дружба семьями не складывалась.

Другое дело генерал госбезопасности Иван Александрович Серов. Они познакомились до войны, когда в сентябре 1935 его, артиллериста, выпускника Военной академии имени М. В. Фрунзе забрали в «органы», а в сентябре 1939 года назначили вместо арестованного Сталиным Успенского наркомом внутренних дел на Украине.

Отцу Серов нравился. В отличие от своего предшественника, он не подозревал всех и каждого, в частности поэтов и композиторов, в украинском национализме только за то, что они писали стихи на родном языке и использовали украинские мелодии в музыке. Вел себя, насколько это было возможно в тех условиях, по отношению к отцу корректно, не «ябедничал» на него поминутно в Москву, а это дорогого стоило. Тогда он, Первый секретарь ЦК Компартии Украины, зависел от наркома внутренних дел, а не наоборот. Один неверный шаг, и...

Все это, естественно, относительно. Так, 27 сентября 1939 года Серов доносит Берии о своем столкновении с Хрущевым по поводу использования им реквизированных в только что захваченном Львове автомашин. Серов любил с ветерком, сидя за рулем, прокатиться и знал толк в иномарках, а Хрущев приказал мощную машину из бывшего польского жандармского управления сдать и пересесть на отечественную эмку. В сердцах Серов пожаловался Берии, но в конце своего письма сбавил тон, пообещал принять все меры для установления делового контакта в работе.

Конечно, Серов на Украине занимался «своими» делами и вершил их «своими» методами, но отцу он не докучал.

Потом война надолго развела отца с Серовым. Отец воевал на юге, а Серова забрали на повышение в Москву. После войны он на Украину не вернулся, стал первым заместителем у Жукова в Германии. Вновь они повстречались с отцом только в 1950 году в Москве, и шапочно. Серов, первый заместитель министра внутренних дел, по делам службы с отцом не пересекался. Отношения восстановились, точнее, заново возникли, только после ареста Берии. Отец посчитал, что ему можно довериться, и не ошибся.

В быту Серов оказался человеком обаятельным, обходительным, а еще более – его жена Вера Ивановна и их дочь Светлана. Последняя очень скоро подружилась с моей младшей сестрой Леной, дневала и ночевала у нас, а Лена стала своей на даче у Серовых. Они жили неподалеку, в Архангельском, на дачах, построенных по приказу Сталина для командного состава расквартированной в Германии группы советских войск. Сам Иван Александрович на дружбу не набивался, на даче у нас бывал редко, только по приглашению и только по поводу. Встречались они с отцом главным образом в его кабинете в ЦК на Старой площади.

Упрочилась дружба с семьей Анастаса Ивановича Микояна. Его младший сын Серго когда-то учился в одном классе с Радой, а теперь подружился со мной. Жили Микояны совсем рядом с Огаревым, в бывшем имении бакинского нефтепромышленника Зубалова. В отличие от большинства государственных дач, их дачу окружал не стандартный деревянный зеленый забор, а многометровая, почти крепостная ограда из красного кирпича.

После смерти Сталина все теснее стали общаться и наши отцы. По выходным отец отправлялся на прогулку, мы, дети, тянулись за ним. Подходили к высоченным железным воротам микояновской дачи, отец стучал кулаком в калитку. Через несколько минут с улыбкой спешил ему навстречу вызванный охранником Анастас Иванович. Начинался ритуальный обход окрестностей. Сначала перелесками, к полям местного колхоза, где отец экспериментировал с посадками картофеля. Оттуда лесом – к Москве-реке. Путешествие занимало часа два, а то и три, достаточно времени, чтобы обсудить недоговоренное на последнем заседании Президиума ЦК. Они традиционно проходили по чертвергам. О чем разговаривали старшие, я тогда не прислушивался и очень об этом жалею, но говорили они непрестанно.

Хорошо я запомнил первое знакомство с Молотовым. Он тогда мне представлялся легендарным вождем, почти ровней Сталину. Однажды отец сказал, что собирается навещать Вячеслава Михайловича и, как всегда, готов взять с собой всех желающих. Желающими оказались все, набилась полная машина. От Огарева до дачи Молотова в Горках-9 пешком не дойти, а на автомобиле минут пять-семь.

У Молотовых меня поразило все: обширная, много больше виденных раньше, заросшая сосновым лесом территория дачи и длинный двухэтажный каменный дом с огромной цветочной клумбой перед входом, но более всего – сам хозяин. Он оказался совсем не вождем, а маленьким плешивеньким старичком. Принял нас Молотов нас радушно, провел по дому, показал все закоулки, особенно хвалился библиотекой. Но мне запомнилась не она, у нас книг стояло в шкафах не меньше, а столовая – огромная полуторасветная, облицованная «сталинскими» темными деревянными панелями комната с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина в четырех широких, явно под них спроектированных, простенках. Расстались мы радушно, но знакомство в дружбу не вылилось, так и осталось знакомством.

Берию я почти не помню. Хотя они и «дружили» с отцом, но только до порога, в гости друг к другу не ходили. В одной машине подъезжали к нашему дому на Грановского, о чем-то договаривали, стоя у парадного, Берия уезжал к себе в особняк, а отец шел к лифту. Там, у парадного, во время одного из расставаний, я, возвращаясь апрельским вечером домой из института, единственный раз увидел Берию вблизи. Берия, отец и Маленков разговаривали, но завидев меня, замолчали. Я поздоровался. Берия сверкнул на меня пенсне. Запомнился серый огромный шарф, несмотря на весну, укутывающий шею по самые уши, глубоко надви-

нутая на лоб серая шляпа и неприятный, вызывающий озноб взгляд. Я поздоровался и пошел своей дорогой, а они продолжили разговор.

Да, тогда они «дружили». Вот только никто из них не знал, чем эта дружба закончится. Отец очень боялся Берии, понимал, что промедление смерти подобно. В буквальном смысле этого слова. Берия тоже опасался отца, но, видимо, не очень. Маленкова же постепенно начинали одолевать сомнения: на того ли он поставил? Берия могущественнее, сильнее отца, но он же и неизмеримо опаснее.